

Учение Св. Франциска Ассизского в творчестве Б. К. Зайцева 1907 - 1918 годов

ЕЛЕНА МИРОНЕСКО-БЕЛОВА
Universidad de Granada

RESUMEN

El artículo está dedicado al análisis de la influencia del pensamiento de San Francisco de Asís en la creación literaria de Boris Zaitsev (1881-1972) y el seguimiento de las doctrinas franciscanas por los personajes de la obra del escritor de los años 1907-1918.

PALABRAS CLAVE: Literatura Rusa, San Francisco de Asís

ABSTRACT

The article presents an analysis of the influence of Saint Francis of Assisi's philosophy on the fiction of Boris Zaitsev (1881-1972), as shown in the bearings of Saint Francis on the behavior of the characters of his fiction (years 1907-1918).

KEY WORDS: Russian Literature, Saint Francis of Assisi

В июльском номере московской газеты «Курьер» за 1901 год появился небольшой очерк «В дороге», автором которого был двадцатилетний студент Борис Зайцев. Несколько позже (в 1902-1903 годах) там же были опубликованы его рассказы «Земля», «Волки», «На станции», «Север», «Гора Угрюмая». Так вошёл в литературу этот яркий и крупный писатель начала XX века.

От рассказа к рассказу росло его мастерство, молодой автор уверенно утверждал себя в литературе. У него был собственный почерк, своё видение мира, зоркий глаз художника, чуткое сердце, интерес к философским проблемам бытия и мастерское владение словом. Стремление найти общее, объединяющее начало в человеческих судьбах,

за коротким эпизодом увидеть большое целое, волнующее своей значительностью, в мимолётном уловить дыхание вечности, отместить несущественное, поверхностное в нашей жизни, восстановить связь между разрозненными, но определяющими мгновениями, выражающими суть вечного, непреходящего, расщепить жизнь на тонкие волокна, почти неуловимые, но в то же время несомненные, открыть в давно знакомом новый, ранее не постигнутый смысл, связать жизнь отдельного человека с великим миром природы, – эти и многие другие черты ранних рассказов Б. Зайцева не могли не затронуть сердце читателя.

А. И. Куприн, отвечая в ноябре 1907 года на вопрос журналистов: «Кого из нынешних писателей вы больше всего цените?», ответил: «Бориса Зайцева. Это ещё молодой, но с огромной будущностью писатель. У него есть глаз, умение проникать в жизнь и человеческую подоплёку и богатство слов»¹.

Литературный путь Б. К. Зайцева был долгим и плодотворным. За несколько лет – с 1904 по 1907 год – он напечатал большое количество рассказов и повестей: «Мгла», «Сон», «Скопцы», «Тихие зори», «Деревня» (1904), «Океан», «Хлеб, люди и земля», «Священник Кронид» (1905), «Миф», «Чёрные ветры», «Завтра», «Молодые», «Ласка» (1906), «Полковник Розов», «Май», «Сестра», «Гость», «Любовь» (1907).

Ранний период творчества писателя завершился замечательной повестью «Аграфена» (1908). Здесь как бы сконцентрировалось все достигнутое писателем ранее, и наметились пути новых исканий. «Аграфена» завершила период раннего творчества Б. К. Зайцева и начала новый этап – с новыми героями, темами и настроениями. Этот этап условно можно ограничить хронологическими рамками 1907-1918 годов. Повестью «Голубая звезда» писатель заканчивает первую «русскую» половину своего пути – литературного и земного.

Герои прозведений Б. К. Зайцева 1907-1918 годов – Александр Иванович («Изгнание»), Николай («Грех»), Степан («Дальний край») и многие другие – открывают истинную правду жизни в «божественном свете Евангелия», в возвращении к «первоистоку, который, вероятно, знали пустычники и основатели монастырей» («Изгнание»). Это христианское чувство, по словам самого Зайцева, «довольно невнятное» в раннем творчестве, с годами становится все сильнее, достигая высшего выражения в произведениях писателя эмигрантского периода (1922-1972).

В христианстве получают герои ответы на мучившие их вопросы, христианство даёт возможность пожертвовать собой ради других, соединить в себе всех страдающих: «Я пойду к Тихону Задонскому. Полями теми, что вчера мы видели с обрыва. Далекими полями. Буду с

¹ КУПРИН, А. И. (1969): *О литературе*, БГУ им. В. И. Ленина, Минск, с. 279.

бабами идти. Там помолюсь за себя, за вас, за Алексея Кирилловича и всех христиан. Может быть, помолюсь, поплачу – и больше пойму, что мне делать, как жить», – говорит Елена («Путники»).

Сложный путь духовного развития проходит Степан («Дальний край»). Воспитанный и живший в убеждении, что Бога нет, он после убийства девочки неожиданно понимает, что все старое, что было в нем, ушло, что его «душа стоит на границе, за которой открывается мир». Не сразу Степан принимает идею Бога. После минуты душевного экстаза приходит скепсис: «До Бога дошел, до молитв, до желания поклониться православным, покаяться... Глупость, Сладость.», но раз появившись, мысль о Боге все более и более завладевает героем.

Степан чувствует, что он открыл истину, что эта истина – евангельская простота, любовь, смирение и самопожертвование. Как Александру из «Изгнания», Степану кажется, что если бы сейчас Спаситель прошел бы по горной тропинке с учениками, он смиренно подошел бы к нему, поцеловал руку и попросил бы позволения следовать за ним. Но прежде надо очиститься от грехов и от крови страданием за других..

Добро не должно унижаться до мщения, смиренно и кротко переносить страдания и тем самым быть выше мучителя, чувствовать, что на твоей стороне Бог любви и страждущих – вот истинная мудрость. Отдавая жизнь за товарищей, Степан спокоен и ясен: страдания очистили его, он прозрел, увидел сущность бытия и может идти в «ту далекую страну, Вечность, куда ведут все пути человеческих жизней».

Религиозное чувство героев Б. Зайцева не призывает на борьбу со злом, оно приводит к согласию с миром. Благословение горю, радость, смешанная с тихой грустью о минувшем, очищение через страдание – в этом ощущается влияние старого христианства. Наиболее близким мироощущению персонажей произведений писателя оказывается учение Св. Франциска Ассизского (1181/82-1226).

Как справедливо отметил С. Аверинцев, «это любимый святой интеллигентов, даже тех, которые не любят не только католической, но порой и какой-бы то ни было церковности»².

Типичными героями прозы Б. К. Зайцева 1907-1917 годов становятся «аристократические нищие», опирающиеся в своих странствиях на учение св. Франциска Ассизского, интерес к которому значительно возрос в конце 19 – начале 20 века. Появилось много работ историков, теологов, часто печатались переводы «Fioretti di San Francesco» (только в Италии в начале 20 века это произведение было переиздано более 10 раз)³. Подобное внимание объясняется тем, что выйдя за рамки

² АБЕРИНЦЕВ, С. (1996): «Введение» в *Истоки францисканства, Ассизи*, с. 11.

³ SUREDA BLANES, Fr. (1957): «Introducción» en *Las Florecillas de San Francisco, El Cántico del Sol*, Espasa-Calpe, Madrid, p. 14.

агиографии, фигура св. Франциска оказалась удивительно современной, а философия францисканства наиболее отвечающей восприятию смутного, переходного, полного конфликтов и противоречий времени. Не ослабевают интерес к фигуре и духовному наследию святого из Ассизи и в настоящее время⁴.

Образ бедного и любящего Христа – вот что прозрел Франциск сквозь поразивший его латинский текст Евангелия. Следовать за этим Христом, строго исполнять его завет – вот что воодушевило его, и что он признал своим назначением. «San Francisco es verdadero retrato de la augusta figura de Jesucristo, y su apostolado envuelve la redención de la Humanidad, y tan bien se retrata el Divino Maestro en San Francisco, que casi parece él una nueva encarnación de Cristo, aquella encarnación o personificación alegórica del Consejo redentor: “Sed perfectos”, o aquella otra “seas alter Cristo”»⁵.

В философию св. Франциска уходит корнями идеал Santa Povertade: «Haceos pobres, conquistad la libertad de nuestro espíritu, sed inteligentes y virtuosos, porque en esto reside la verdadera riqueza que consiste en la libertad del corazón, mientras que la riqueza mundana importa la esclavitud», – этот призыв святого из Умбрии находит горячий отклик в сердцах героев Б. Зайцева. Ссылаясь на учение Франциска Ассизского Христофоров («Голубая звезда» рассуждает о бедности, делающей любовь к жизни чище и бескорыстнее.

Нередко в сознании зайцевских персонажей возникает вопрос: могли бы они бросить жизнь, которую они ведут, и стать простыми монахами, следуя наставлениям святого Франциска, милостынею добывая хлеб свой насущный и отстаивая Бога. Способным на это чувствует себя Константин Андреевич («Спокойствие»).

«Nadie tiene más quien menos necesita», – говорил Франциск. Нищий, блаженный по св. Франциску, получает высокую награду – быть носителем священной миссии, являясь образом странствующего, бедного Христа, каким и был сам Poverillo из Ассиза. Наиболее полно это отношение к нищим, юродивым, каклюдым, отмеченным Божьей благодатью, проявилось в трех рассказах Б. Зайцева «Домашний лар», Сережа» и «Республиканец Кимка», объединенных общим красноречивым названием «Люди Божие».

Деревенский дурачок, домашний лар, покровитель мирной жизни («Домашний лар»), похожий лицом на первобытного истукана сквернослов Кимка («Республиканец Кимка»), сумасшедший Сережа («Сережа»), которого автор сравнивает с Иоанном Крестителем, – часть общей жизни и, может быть, именно они будут допущены «в ограду и

⁴ См., например, САМАРИНА, М. С. (2000): "Проблемы текстуального наследия св. Франциска Ассизского", *Вопросы филологии*, 6, с. 169-178.

⁵ SUREDA BLANES, op. cit., p. 17.

сделаны гражданами иной, не нашей республики». От них далеки хозяйственные хлопоты, они беззаботно, с «простодушным сердцем» идут по земле, ничего не ведая, чуждые суетных дел и более приближенные к вечности, чем другие: «В это время в уезде одни, как Василиса Петровна, горевали о своих недостатках, отходящих к другим, другие мечтали о получаемом, третьи, как учительница, готовились к общественным треволнениям, и все обычно в этот час в деревне собирались спать, Они жили и действовали, считая свои действия важными и жизнь – вечной. Андрей Михайлович спал очень крепко. Его знакомый, помещик с большими руками, думал посадить в изголовье его дубок. А Сережа шел. Он ничего не знал. Над ним было ночное небо». («Сережа»).

Эта дорога «людей божьих» – прямая отсылка к учению и образу св. Франциска:

Para la sencillez medieval del frailecico de la Umbria este camino corre siempre bordeado de ruiseñores y siemprevivas. Sonríe el frailecico si le hablan de una vida erizada de preguntas sin respuestas, porque él ha hallado ya respuesta a todas las preguntas. Poco sabe pero cree, espera y ama: ¿para que más si con esto le basta y le sobra? Aunque parezca paradójico, el frailecico está ya de vuelta de todas estas cosas tan sabias y transcendentales, sin haber pasado por ellas o habiendo pasado por encima de ellas, muy por encima de ellas, porque sus miras son muy elevadas. El frailecico sonríe...⁶

Никакие болезни и страдания, огорченья и несчастья не в состоянии нарушить душевное равновесие «божьих людей»: быстро забывает обиду маленький «домашний лар», равнодушно говорит Кимка о своей жене, сбежавшей несколько лет назад, постоянно улыбается блаженный Сережа. Эта душевная радость спасительна и свидетельствует о милости Бога, считал Франциск Ассизский⁷. Нищие и юродивые противодействуют всему жестокому и страшному в мире, зло не может найти доступа к духовной радости.

Если св. Франциск говорил о демонах как о носителях зла, то «божьи люди» олицетворяют силу добра. Блаженные своей внутренней чистотой и радостью, своим простодушием и отреченностью от суетного мира они охраняют и защищают очаг, являются своеобразными «домашними ларами»: «Иногда, в дни тяжелые, когда все взрослые, да и весь, кажется, мир подавлен, бывает радостно видеть, как маленький человек беззаботен и счастлив куском пирога, булкой, конфеткой; легче сердцу, когда видишь, как ведет он домой девочку, как хохочет, везя ее в коляске. И верно, правы были древние, обожествившие мелкие существа домашней жизни, далекой от ужаса мирового; смутно чувствуем мы это

⁶ CASTELLTORT, R. (1963): *San Francisco de Asis. Las Florecillas*, Madrid, pp. 10-11.

⁷ ГЕРЬЕ, В. (1908): *Франциск – апостол нищеты и любви*, Москва, с. 178.

всегда, потому и не жаль лишнего ласкового слова, лишнего пряника – как не жалели его две тысячи лет назад».

В «Людах Божьих» Борис Зайцев не проводит прямой аналогии с учением св. Франциска, но само отношение к нищим, к «простодушным сердцем», их связь с миром природы, облик, вызывающий в памяти читателя образы святых, говорит о воплощении в этом цикле рассказов идеалов францисканства. Эти герои наиболее близки к постижению высшей истины, а потому именно к положению «людей божьих», к их душевной радости и непорочности мыслей стремятся другие персонажи произведений писателя, не всегда, однако, чувствуя себя способными оставить мир мнимых ценностей и следовать до конца идеям средневекового учителя. Так, Христофоров («Голубая звезда») сознает, что вполне идти за святым Франциском все же не может – «слишком любит земное».

La propiedad exterior es forzosamente muy limitada y embarazosa y sobre serlo en tanto grado, hipoteca todas las facultades del propietario, la verdadera riqueza y la libertad del corazón exigen lo ilimitado con respecto al objeto de la propiedad y con respecto al sujeto de la propiedad⁸.

Достичь эту свободу, преодолеть «волю к тяжести», к земному возможно через уход от суеты, от погони за славой, накоплением, богатством. Герои Б. Зайцева принимают в философском и в прямом смысле слова св. Франциска: «Жизнь это дорога, и только дорога» и отправляются в странствия в поисках сущности бытия.

Хочет уйти в «мир бескрайний, бесконечный» Константин Андреевич («Спокойствие»), убегает из своей «благоустроенной клетки» Александр Иванович («Изгнание»), «Не всё ли равно, где жить и как жить? Конечно, прочно устроиться я нигде не могу. С некоторых пор моё существование приняло бездомный характер», – думает Вера («Вечерний час»), скитаются по свету Алёша («Дальний край») и Панурин («Мать и Катя»), «вечным путником» становится Виктор Михайлович («Бездомный»). «Я никто. Путешественник», – говорит Казмин девушке, которая сама не знает, зачем и куда едет. Елена . «неприкаянная, неустроенная женщина», которую, как и Казмина мучает вопрос: как жить, для чего? Есть люди, труд, есть маленькие заботы, но какое место они, Казмин и Елена, занимают в этой картине? «Мы, может быть, странники», – предполагает Казмин («Путники»).

Бездомную жизнь ведёт Христофоров («Голубая звезда»). Часто приходилось ему жить под чужим кровом. Проходя от людей к людям, из места в место, Христофоров чувствует «неизъяснимую сладость – в прохождении жизнью, среди полей, лесов, людей, городов, вечно сменяющихся, вечно проходящих и уходящих. Пусть будет Москва,

⁸ SUREDA BLANES, op. cit., p. 18.

какой-то Ретизанов, кофе на заре, бега, автомобили, Анна Дмитриевна. Это всё жизнь».

«Сквозь туман бредут без надежд впереди все эти московские итальянцы и итальянские москвичи. Приглядишься к ним и узнаешь прежнего питомца дворянской культуры, вечного скитальца, вечного лишнего человека, тургеневски нежного и тургеневски женственного, отравленного чеховской безысходностью», – писал о зайцевских странниках критик В. Львов-Рогачевский⁹.

Главный герой повести «Изгнание» Александр Иванович лучше чувствует себя в одиночестве, когда он может забыть, что «он адвокат, член общества и человек, одетый согласно моде.» Наедине с природой он чувствует свою связь с миром: «пользуясь словами святого Франциска, я мог бы сказать: мой брат океан, милые мои сестры – облака, травы, водоросли. Здесь я так же был наг и душевно прост, как дети, рыбы, бабочки».

Александр Иванович прямо соотносит свое мировосприятие, свое чувство единения с природой и миром, с философией святого Франциска в которой природа – это мир, полный поэзии, религиозных и моральных назиданий. Все живое заслуживает любви и сострадания, так как все – творенье Божье. (В «Голубой звезде» Христофоров признается, что не смог бы убить даже букашку – ведь это все живое).

Подобное благоговейное отношение ко всему одушевленному и неодушевленному миру впервые было высказано св. Франциском в знаменитом гимне «Хвала творений», поэтически выразившем мировоззрение проповедника:

Todas las maravillas son para el hombre, para que el hombre – que es la más auténtica maravilla – no olvide al autor de tantas maravillas. Dios es el Creador de todos los seres y el padre de todos – naturalmente sobrenaturalmente – son hermanos entre sí. Todos: hermanos verdugo, hermana mala mujer, hermanito leproso ... y hasta los seres irracionales y las cosas sin alma – obra asimismo de Dios para regalo y uso racional e inteligente de los hombres. Con ese hilo de amor que los creó y los vivifica, hermanándolos caritativamente: hermano lobo, hermanitas estrellas y hermanitos áspides ... Y adentrándonos un poco más y fraternizando con los seres de nuestro mundo íntimo, cerramos la parábola del amor universal: hermano perdón, hermana misericordia, hermana muerte ... y hermanos ángeles¹⁰.

Именно это пантеистические восприятие мира св. Франциском оказалось созвучным мыслям и ощущениям героя повести «Изгнание».

Идеалом становится Франциск Ассизский для студента Бенедиктова, пишущего работу о жизни святого («Студент Бенедиктов»), что, по его

⁹ ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. (1923): “Борис Зайцев” в *Львов-Рогачевский В. Новейшая русская литература*, Москва, с. 68.

¹⁰ CASTELLTORT, op. cit., pp. 8-9.

мнению, накладывает на него особую ответственность. После тяжелого потрясения, открывшего ему свет и истину, молодой человек возвращается в свою «трудовую келью, где лежали книги, где ждал его св. Франциск». Отныне свою жизнь Бенедиктов будет, очевидно, осмысливать с позиций мудрого принятия жизни, любви ко всему живому.

Герои Б. К. Зайцева из всех религиозных, моральных и философских учений выбирают учение именно Франциска Ассизского, поскольку оно позволяет максимально ощутить связь единичного с общим. Идеал св. Франциска не всегда кажется им при этом достижимым в реальной, «земной» жизни. Так, Христофоров («Голубая звезда») сознаёт, что вполне идти за святым Франциском всё же не может – «слишком любит земное».

Христофоров – модернистский, эстетизированный вариант францисканства. В Христофорове нет ответственности перед людьми, идеи служения им, учение святого Франциска воспринимается им более поэтически, нежели серьёзно и последовательно. В «Голубой звезде» упоминание о Франциске Ассизском способствует созданию образа «беззаботного, лишённого связей духа».

В повести «Изгнание» функция упоминания учения Франциска Ассизского несколько иная: пантеистическое чувство, свобода от «воли к богатству», от условностей общества, почерпнутые из учения проповедника 13 века, подчеркивают контраст между «первоистоками» жизни и внешними суетными делами, цель которых – накопление, слава, успокоенность и незыблемый порядок. Идеал Франциска Ассизского – прямая противоположность миру Анет, синдикалистов, и именно поэтому возникает в сознании героя как внутреннее противостояние духовно чуждому ему образу жизни, который он вынужден вести.

В рассказе «Студент Бенедиктов» отсылка к святому Франциску подчёркивает значение простой, скромной и трудной жизни, которую предстоит вести герою, намечает путь, по которому пойдёт его дальнейшее нравственное развитие.

Таким образом, во многих произведениях Б. К. Зайцева периода 1907-1917 годов присутствует отблеск идеалов Франциска Ассизского. В некоторых романах, повестях и рассказах («Спокойствие», «Изгнание», «Студент Бенедиктов», «Голубая звезда», «Дальний край» и др.) герои открыто и сознательно избирают учение Франциска Ассизского в качестве примера для духовного следования, строят свою жизнь в соответствии с идеалами францисканства. В других философская позиция не атрибутируется эксплицитно, но дух францисканства пронизывает всю идеологическую и поэтическую ткань произведения.

Революция и трагические годы потрясений, близко затронувшие Зайцева, заставляют его покинуть Россию и начать долгое странствие, так знакомое его героям, вечным путникам и скитальцам. В литературном отношении этот период оказался исключительно плодотворным, при этом сам писатель отмечал, что наметившееся ранее религиозное чувство становится в эти годы всеохватывающим и пронизывает все его произведения. «Дореволюционное – и в форме, и в содержании кончилось. Станным образом революция, которую я всегда остро ненавидел, на писании моем отозвалась неплохо. Страдания и потрясения, ею вызванные, не во мне одном вызвали религиозный подъем. Удивительного в этом нет. Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви», – писал Б. Зайцев в автобиографических заметках «О себе»¹¹. Этот период писатель ограничивает романом-хроникой «Путешествие Глеба». Мечте писателя о третьем, вновь русском периоде жизни не суждено было сбыться, но произведения его неярким, чистым светом озаряют русскую литературу.

¹¹ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1990): “О себе” в Б. К. Зайцев. *Дальний край*, Современник, Москва, с. 27.